Ирина ДЕМЕНТЬЕВА
Нижний Новгород

По маминым следам

1

Господи Боже, мама!
Как мне тебя не хватает…
Такое в начале детства,
Да в старости, видно, бывает.
Безумно пронзительной болью
Становятся воспоминанья.
Невысказанной любовью
Звучат эти наши признанья.

Лигия Лопухова.
Из неопубликованного

Мне тоже не хватает вас –
обеих, близких и любимых,
отныне в небесах хранимых
для новых жизней – про запас…
И перед этой пустотой,
что после вас в душе осталась,
я беззащитна. Да и старость
идет дорогой непростой…

Ты обрела желанный путь
в полете творческом высоком.
И пишущей машинки цокот
мне в детстве не давал уснуть.
Тогда, баюкая меня,
Мне бабушка стихи читала,
как сказки – просто и устало –
и про Олегова коня,
и про царицу у окна,
про чудо острова Буяна,
и про гадание Светланы –
все знала наизусть она…

И закружилась голова:
теперь я знаю – вдохновенье

и поиски, и дерзновенье
так вольно складывать слова,
и божий дар в твоей судьбе –
от мамы, что во тьме метельной
на память, вместо колыбельной,
читала Пушкина тебе…

2

Жизнь как любовь.
И все стихи мои
О жизни.
Лишь о жизни
И любви.

Лигия Лопухова.
«Жизнь, как любовь…»

Мой божий дар – отрезанный ломоть.
Быть может, я в молчанье не права…
Слова так страшно обретали плоть,
Что стало страшно складывать слова.

Лигия Лопухова.
Из неопубликованного

Думала, рифмы – лекарство…
Только твой опыт – не впрок:
я испытала коварство
опубликованных строк.
И замолкала надолго,
глупую дерзость кляня…
Видно, не вышло бы толку
в ведомстве муз из меня…

Кто же я все-таки, кто я?
В самом ли деле поэт?
То-то мне нету покоя…
И вдохновения нет.
Пишут и пишут иные –
русский терзают язык,
и не стихи, а стихии
втиснуты в корочки книг.
И не найти укорота
на литераторов рать…

Я же – у поворота:
смею ли, буду ль писать?

Носятся мысли в эфире,
к людям спускаются – жить…
Все уже сказано в мире…
Да и о чем говорить?

Вновь о любви и разлуке?
Тут я, пожалуй, совру…
Что ж мои жадные руки
тянутся снова к перу?
Мало мне было печали?
Снова – зови не зови –
строки о жизни настали,
ну… и чуть-чуть о любви!

3

Бег времени! Не истончай лица,
Не поселяй в глазах моих усталость!
Так хочется быть прежней до конца,
И чтоб улыбка юною осталась…
Оставь обличье верное душе,
Живущей жаждой вечного полета:
Ведь даже птица, сбитая уже,
Пусть и к земле, – не прекращает лёта…

Лигия Лопухова.
«Заклинание женщины»

О, не пытай напрасно отраженье,
пусть мимо искажений взгляд скользит:
когда-нибудь придет Преображенье
и нас с тобой, и мир преобразит.
И ту любовь, что в нас почти молчала,
однажды этот светлый мир услышит.
Неистребимо женское начало!
Нам вовсе не к земле лететь, нам – выше!

Наталия КУРЧАТОВА
Санкт-Петербург

Из поэмы «БЕЛЫЕ ТОПОЛЯ»

* * *

Трактористы отрыли
окопы по периметру нашего городка
километры ходов сообщений
в них скоро сибирские реки хлынут
килотонны бурятов. скопища злых литвинов
монгольская степь и ватаги варягов
с воронами оплечь
вся эта Русь, которую нам сберечь
завещал твой отец – одноглазый, как Один
зачем она нам сдалась, сынку?
да просто так
потому что красиво

вот, смотри
завтра выйдем гулять во двор
там качели, фигуры зверей
белые одуваны, отцветающая сирень
жирный лопух, силикатный кирпич, вышка, пятиэтажка
кто-то скажет – убого и очень тяжко
нет чтоб Сан-Марко отметить или хотя бы Бруклинский мост
или Литейный в Питере – поднимающий над Невою хвост
нет, почему-то именно здесь на стене кто-то намалевал: люблю
одуванчики, битый кирпич, тебя, маму твою
Олю.

* * *

Я пишу тебе из гостиницы в центре города N
спасибо, что придержал ее паспорт
она бы конечно рванула следом
но что это за путешествие, когда глаза – застит
что это за приключение (если можно вообще так назвать)
мчаться туда, где убивать
стало делом привычным
пусть даже и за любимым
в последнем более чем сомневаюсь
продолжая надеяться, удаляюсь
у тебя из френдов, чтоб не порушить твои контракты
с европейским издателем; впрочем, мы сохраним контакты
если захочешь –
пиши в телеграмме
до востребования, юзеру в камуфляжной панаме
на позиции трактористов, что стреляют в себе подобных
все это, не спорю, выглядит негуманно
человеческий мир за всю историю был гуманен не более суток
если в таком раскладе у тебя – для меня найдется минутка
ты знаешь регион, знаешь оператора, знаешь номер
для тебя (и нее) не буду здесь его выключать
для остальных я считай что помер.

Галина МИНЕВИЧ
Нижний Новгород

Заноза

Железную занозу я вытащить хотела,
На палец поглядела в рабочий микроскоп:
Светилась плоть моя, под линзой розовела,
Из глуби мирозданья, из вечности росток.

Не видно было верхних, чуть загрубевших клеток,
Струилась мягким светом моя живая кровь –
Прозрачно наше тело. С какой же тайны слепок?
Неутоленный разум вопросы ставит вновь.

Простые «человеки» – мы временем гонимы,
Но из глубин Вселенной поют нам сотни лир.
Прозрачны наши души, занозами ранимы,
Но мудро, даже нежно, мы любим этот мир.

Елена СОМОВА
Нижний Новгород

* * *

Мелкий такой, тщетный, нелепый снежок,
Падающий на лёд, изрыгающий крупные неприятности,
Гипсовые скульптуры конечностей, стремящихся
к бесконечности.
Лёд, в который следы впаяны до весеннего таянья,
И тот, который вовсе не сохранит ничьих следов,
А только, может, нежное воздушное присутствие
прошедшего человека,
Выдох его легких, растворённый в воздухе после вдоха ветра,
Воронки суетного бытия, которое отрицать невозможно.

Андрей КАНЕВ
Сыктывкар

«Подснежник»

На бруствере окопа талый снег,
В бойнице камни голого предгорья,
И в камуфляжной форме человек
С кровавым озерцом у изголовья…

Смотрю, смотрю в оптический прицел,
И не понять, он наш или из местных,
В ночной тиши растяжки шнур задел,
Пополнив список павших безызвестно.

Площадка, словно на ладони вошь,
Пристреляна и этими, и нами.
В оптический прицел и не поймёшь,
Чей в камуфляже? В общем, – россиянин.

И надо б сползать. Как накроет снег,
Тогда уж до весны – другим забота.
Тот в камуфляжной форме человек
Достанется сменившим нашу роту.

Кого послать? Иль сползать самому…
А может там Хаттаб? Пусть догнивает…
Он не живой уже. А те пальнут!
Их «эсвэдэшки» промаха не знают.

Под пулями сюда его тянуть,
Погибшего почти что бестолково?
Вдруг с неба повалил ему на грудь
Пушистый снег. Решилось, право слово!

Пускай покроет будний след войны
И до весны хранит себе кого-то.
А снег кружился, словно знак вины
За чью-то там весеннюю заботу…

Борис ЛУКИН
Москва

Только весна

Странно в мире... Спокойствие. Будто весна
Свет не задела своей огнедышащей трелью.
Тихо, привычно трамваев стучат семена,
Сыпясь на стыках… но искры в утробе не спеют.

Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбухая рыхлистою ледью.
Птицей на ветке, чей щебет по капле стекал.
Солнцем на взгорке, чей профиль по-мартовски меден.

Мною, тобой и детишками, спящими всласть,
Ждущими мира душевного, лада телесно-земного.
Кто это выдумал злую такую напасть
Не замечать:
по весне
нету спасенья иного.

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ
Нижний Новгород

* * *

Василию Поздееву

Когда потомки луговых мари
Меня с утра представят Кугу Юмо,
В льняной рубахе выйду в хвост зари,
Ни к западу, ни к северу, ни к югу.

А на восток, где полупьяный карт
Двенадцать раз ударит в колотушку.
Задумаюсь, и не замечу как
Три раза на шесте всплакнёт кукушка.

Осыплется мирская шелуха.
На нитях опущусь в иное царство.

Меня обнимут травами луга,
Как обнимали на земле нечасто.

К ночи с марийской девушкой вдвоём
Мы сядем у костра друг против друга,
Лирическую песню запоём,
Вдвоём уйдя из огненного круга.

Наутро у потухшего костра
Останется лишь пепел, прах и угли.
На день сороковой в последний раз
Приду проститься с близкими супруги.

И буду жить как луговой мари,
В природу дух вплетая прозорливый,
В квасу туманов, в киселе зари,
В нектаре трав, в ухе речных заливов.

Пётр РОДИН
Воскресенское, Нижегородская область

Моя Ветлуга

Жизнь моя – река Ветлуга,
Что-то стала ты узка.
Обмелевшая яруга
Тальники да плешь песка.

Деревенька. Пара елей
Сторожихами стоят.
Избы будто захотели
Утопиться все подряд.

Здесь давно уже не пели,
Не куражилась гармонь.
Злые ветры налетели,
Все богаты – не затронь!

Воскресенским крутояром
Да с Ватрухиной горы
Мне привиделись недаром
Берега иной поры…

Помню я тебя другую,
Когда яростной весной
Ты несла плоты, лютуя,
Вся пропахшая сосной.

Плотогоны – люд не тихий.
Ночью круты и легки,

До Задворки с Чернышихи
Долетали матерки.

От окна усадьбы древней
Я смотрю на берег тот:
На тайги зелёном гребне
Дремлет белый теплоход.

Тихо музыка играет.
Птицы крик да плеск весла.
Речка звуки подбирает,
Те, что память принесла.

Чуть прислушался… и – диво!
Как средь бела дня краду
Песню Крюковой Клавдии
В сенокосную страду.

Скоростных судов не плоше, –
Смех и грех, года-вода! –
Катер с именем «калоша»
Не забуду никогда…

Тонут пристани в тумане,
Под Калинихой – моя.
Наша пристань, – утром ранним
Сторожили соловья.

Отозвалась соловьиха.
Слушать ли, свою ль встречать?
Будто сводит ветер тихий
С сердца времени печать…

Хоть теперь ты не такая,
Будоражить смеешь кровь,
Моя первая большая
И последняя любовь.

Март

Из болотищ заветлужских,
Где Лешак Весну пасёт,
К речке солнца полукружье
На рожищах лось несёт.

На крутом обрыве стоя,
С липой крепко обнявшись,
Я награды удостоен:
На восход умножить жизнь…

След по насту виден с кручи,
Как лаптей стеклянных ряд.

Космонавтов формой круче,
Рыбачки к реке скользят.

Быть весне! А как иначе?
Слышу – ельничком идёт.
Повезло мне стать богаче
На ещё один восход.

Лариса БУХВАЛОВА

Павлово, Нижегородская область

* * *

Впадает в небо узкая протока.
У августа глаза Ильи пророка.
И плащ седой, спадающий с небес,
плывёт сквозь сад, кустам наперерез.

Через межу, предвидя неба твердь,
боясь крылом о край её задеть,
всё ниже пролетающие птицы.
А в грядах след от горней колесницы.

Скрещенье стрел и сполохи огней,
что вознеслись над гривами коней.
Всё видно здесь, от космоса до дна.
А выше – длань Господняя видна.